

33
314
РЯДНАЯ ЗАПИСЬ

XIII ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ПРОФЕССОРА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО,

дѣйств. члена Императорскаго Археологическаго Общества,

съ приложеніемъ

ЗАМѢЧАНІЙ

ПРОФЕССОРА К. А. НЕВОЛИНА.

(Отпечатано изъ III тома *Записокъ Импер. Археологическаго Общества.*)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

1851.



АКАД. ХИ ВКА
ХИ ВКА

ИСТИ ДОРАНИЕ
ИСТИ ДОРАНИЕ

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санкт-
петербургъ, 24 ноября 1851 г.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*



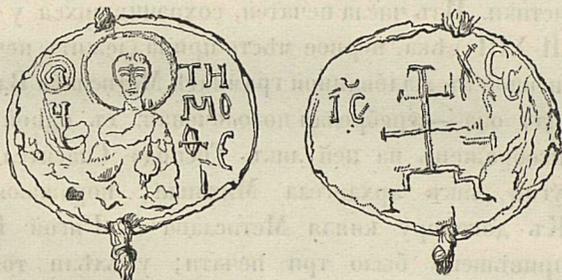
2007112074

се поради са · тѣшата · сѣякъ · тѣмо мѣ ·
 проси · глады · стѣво · пропер · во ѿ · н · про · у · да · да ·
 не ѿ · и · на · дѣ · в · цѣ · я · к · з · м · а · с · е · р · е · б · р · о · и · з · а ·
 л · а · а · м · о · н · и · с · т · а · тѣ · ш · а · т · и · н · а · ц · я · к · з · м · o ·
 в · з · ж · е · н · т · с · в · о · б · о · д · н · а · тѣ · ш · а · т · ѣ · в · з · а · т · и ·
 и · р · о · щ · е · т · а · о · у · ч · и · н · и · л · а · п · р · о · м · е · ж · и · с · e · х · e · ѿ ·
 б · о · л · ѣ · н · e · н · а · д · о · б · ѣ · я · k · z · m · ц · т · ѣ · ш · а · т · a · н · i ·
 т · ѣ · ш · а · т · ѣ · я · k · z · m · ѣ · а · н · а · т · o · м · ѣ · п · o · с · л · у · с · и ·
 д · в · а · л · п · o · п · ѣ · д · o · р · o · ж · k · a · d · o · м · o · с · л · a · в · ѣ ·
 в · ѣ · k · o · ш · k · z · n · ѣ · б · o · ѿ · a · n · ѣ · к · y · з · m · a · л · o · i · k · o · v · i ·
 y · ж · и · д · и · л · o · ж · и · x · n · o · v · i · y · ѣ · и · b · a · n · ѣ · с · m · o ·
 л · n · a · n · n · ѣ · а · k · t · o · c · и · n · p · a · d · ѣ · п · e · р · e · c · т · y · п · и ·
 т · a · я · k · z · m · ѣ · л · n · т · ѣ · ш · а · т · a · л · n · т · o · т · ѣ · d · a · с · ѣ ·
 р · г · р · i · с · e · r · e · b · r · a · ѿ · п · c · a · л · ѣ · d · o · b · m · o · n · t · o · v · ѣ ·
 л · и · c · e · ц · ѣ ·

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ СЪ ПЕЧАТЮ,

ХІІІ ВѢКА.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.



Какъ мало подлинныхъ грамматъ осталось намъ на память о XII-XIII вѣкѣ нашей Руси, знаетъ съ сожалѣніемъ всякій, кто не чуждъ любви къ отечественнымъ древностямъ. Отъ первой половины XII вѣка сохранилась только одна жалованная грамота князей Мстислава Владиміровича и сына его Юрьеву монастырю (1128-1132 г.); отъ второй половины XII вѣка также только одна вкладная грамота Варлаама монастырю Хутынскому (послѣ 1192 г.); отъ первой половины XIII вѣка два противня договорной грамоты (1228-1229 г.) князя Мстислава Смоленскаго съ Ригюю и Готскимъ берегомъ; отъ второй половины XIII вѣка семь грамматъ: три договорныя грамоты тверскаго

князя Ярослава съ Новгородомъ (1265-1270), одна договорная грамота князя смоленскаго Ѳедора съ Ригю (1284 г.), одна проѣзжая грамота новгородская ганзейскимъ купцамъ (послѣ 1294 г.), и двѣ договорныя грамоты князя тверскаго Михаила съ Новгородомъ (1295 г.). Всего-на-все десять грамотъ. Если къ этому прибавить и тѣ грамоты, которыя уцѣлѣли отъ этого времени въ спискахъ позднѣйшихъ, то и тогда цифра увеличится только вдвое.

Столь же бѣдны древности наши и памятниками сфрагистики. Изъ числа печатей, сохранившихся у насъ отъ XII-XIII вѣка, первое мѣсто принадлежитъ печати, привѣщенной къ жалованной грамотѣ Мстислава Владиміровича: она—серебряная позолоченая; съ одной стороны изображенъ на ней ликъ Господа Спасителя, а съ другой ликъ архангела Михаила, поражающаго змія. Къ договору князя Мстислава съ Ригю 1229 года привѣшено было три печати; уцѣлѣли только двѣ, обѣ серебряныя: одна съ изображеніемъ льва и съ надписью: *кѣмкого княз. Ѳѣдо. .печат.*, а другая съ надписями: *вѣлк. смоленско* и *пчѣта крѣст.* При договорныхъ грамотахъ Ярослава Тверскаго 1268 года были печати, но не сохранились. При договорной грамотѣ того же князя 1270 года, изъ трехъ печатей уцѣлѣла одна свинцовая съ изображеніями ликовъ, которыя, говорятъ, разобрать трудно. У грамоты Михаила Ярославича 1295 года печать серебряная вызолоченая съ изображеніемъ ликовъ архангела Михаила и св. Николая. Къ проѣзжей грамотѣ новгородской привѣшены три свинцовыя печати: одна съ ликомъ св. евангелиста Матѳія, какъ показываютъ и буквы *мѣѳ*, и съ надписью: *тысацкаго пѣчат.*; другая съ надписями:

сменска печать и климовича; третья съ почти истершимися изображеніями чьихъ-то ликовъ.*

При такой бѣдности древнихъ русскихъ актовъ и печатей, каждая новая находка въ этомъ родѣ есть драгоценность, за открытіе которой счастливый археологъ достоинъ полной хвалы и благодарности. Не откажетъ, слѣдовательно, никто въ хвалѣ и благодарности и нашему ученому археологу К. Э. Наперскому за пергаминаую грамоту, недавно имъ найденную въ рижскомъ городономъ архивѣ и обнародованную въ «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ (*Bulletin de la classe des sciences historiques etc.* 1850, tome VIII, N^o 11). Эта грамота безспорно принадлежитъ къ XIII вѣку и очень замѣчательна какъ потому, что она представляетъ собою образецъ обязательства между частными людьми, древнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ найденныхъ, такъ и потому, что привѣшенная къ ней печать есть единственная въ своемъ родѣ.

Эта важная находка Г. Наперскаго, какъ памятникъ, достойный изученія, предложена была мною вниманію Императорскаго Археологическаго Общества въ засѣданіи 12 марта 1851 года**, и въ слѣдствіе сомнѣній, явившихся отчасти при разборѣ ея содержанія и значенія, отчасти при разсмотрѣніи снимка съ печати, изданнаго при «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ, предназначена была къ изданію въ «Запискахъ Археологическаго Обще-

* Передавая свѣдѣнія о древнихъ русскихъ печатяхъ пока по описаніямъ, сдѣланнымъ другими, или по снимкамъ, за которыхъ отчетливость поручиться нельзя, я позволяю себѣ выразить надежду представить въ послѣдствіи описаніе всѣхъ древнихъ русскихъ печатей обстоятельнѣе и подробнѣе.

** См. Перечень засѣданій Общества за 1851 годъ, стр. 55.

ства» въ вѣрномъ снимкѣ съ текста и съ печати и съ тѣми примѣчаніями, которыя найдутся необходимыми для ея объясненія. Принять на себя эту обязанность было для меня тѣмъ пріятнѣе, что этотъ памятникъ важенъ для меня какъ образецъ нашего древняго языка, и тѣмъ легче, что я могъ надѣяться какъ на содѣйствіе почтенныхъ сочленовъ Общества, занимающихся древностями русскими, такъ особенно на содѣйствіе нашего ученаго секретаря, П. С. Савельева, взявшаго на себя трудъ изготовленія вѣрнаго снимка съ текста граммати и съ печати.

Текстъ граммати писанъ такимъ четкимъ уставомъ и такъ правильно, что его чтеніе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей. Тѣмъ не менѣе отсутствіе знаковъ препинанія, кромѣ точекъ, которыя употреблялись въ древнее и даже не въ древнее время не столько для уясненія смысла, сколько для отдѣленія словъ, и кромѣ того соединеніе словъ служебныхъ съ главными даютъ возможность понимать смыслъ выражений нѣсколько различно или даже иногда и совсѣмъ мѣшаютъ его пониманію. Поэтому необходимо дополнительное чтеніе съ разстановкою знаковъ препинанія. Представляю такое чтеніе современными русскими буквами, сохраняя впрочемъ вполнѣ правописаніе подлинника — строка въ строку, на сколько позволяютъ это наши правила переноса словъ.*

* Сравнивъ со снимкомъ, читатель замѣтитъ, что я отступилъ отъ подстрочнаго порядка только въ томъ, что оставилъ не перенеся, какъ въ подлинникѣ, на слѣдующую строку слѣдующихъ буквъ: на строкѣ 3^й *ль* въ словѣ *взяль*, на 10^й *чь* слова *Лойковичь*, на 11^й *л* слова *Смолянннхъ*, и на 12^й *ть* слова *переступитъ*.

1. Се порядися Тѣшата съ Якимомъ про складѣство про первоіе и про задѣнеіе. И на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ. А мониста Тѣшати́на у Якимомъ
5. вы жены свободна Тѣшатѣ́ взяти. И рошетъ оучинила промежи себе; а болѣ́ не надобѣ́ Якому Тѣшята, нѣ́ Тѣшятѣ́ Якимъ. А на томъ послуши: Двѣ́ * попь, Дорожка Домославѣ́,
10. Вѣ́кошкинѣ́ Боянѣ́, Кузма Лойковичѣ́, Жидило Жихновичѣ́, Иванѣ́ Смолнанинѣ́. А кто сийрядѣ́ переступитѣ́, Якимъ ли, Тѣшята ли, тотѣ́ дастѣ́ рѣ́гри^В*** серебра. Апсаль Довмонтовѣ́
15. писецѣ́. ***

Судя по переводу этой граммати, представленному Г. Наперскимъ, онъ читаль ее не совсѣ́мъ такъ. Вотъ его переводъ :

Es kam überein Teschata mit Jakim wegen eines Schmuckes (bestehend aus) Vorder-und Hinter-Theil u...(!) **** Jakim empfing das Silber, und der Schmuck gehört Teschata zu, der ihn von der Frau des Jakim nehmen kann. Auch haben sie sich beide unter sich berechnet, und weiter bedarf einer des andern nicht, weder Jakim den Teschata, noch Teschata

* Давыдѣ́.

** Сто гривень.

*** При наборѣ́ этихъ строкъ русскими буквами, замѣнены: **И** въ словахъ Якимъ и Боянѣ́) буквою *и*; **А** (въ словахъ: порядиса, Тѣшата, взялъ, взяти, Смолнанинѣ́, рѣ́дѣ́) тою же *и*; **Ы** буквою *и*, и конечное **И** (въ словахъ: первоіе, задѣнеіе) буквами *іе*.

**** Vielleicht: Umchlag, Ueberzug.

den Jakim. Darüber waren Zeugen der Pop David, Doroshka Domoslav, Wekoschkin Bojan, Kusma Loikowitsch, Shidilo Shichnowitch, Iwan von Smolensk. Wer diese Abmachung übertritt, sei's Jakim, sei's Teschata, der zahlt 100 Griwen Silber. Geschrieben hat's Dowmont's Schreiber.»

По-русски это будетъ :

«Условились Тѣшата и Якимъ объ украшеніи, (состоящемъ изъ) передней и задней части, и... Якимъ получилъ деньги, а монисто принадлежитъ Тѣшатѣ, который и можетъ его взять отъ жены Якима. Оба они рассчитались между собою, и болѣе другъ другу не нужны, ни Якимъ Тѣшатѣ, ни Тѣшата Якиму. Этому были свидѣтели: попъ Давидъ и пр. Кто этотъ договоръ нарушить, Якимъ или Тѣшата, тотъ платитъ 100 гривенъ серебра. Писаль это писецъ Довмонта.»

Не касаясь вопроса о вѣрности перевода, я позволю себѣ замѣтить пока, что разстановка знаковъ въ немъ кажется мнѣ неправильною, а именно въ слѣдующихъ пунктахъ:

Выраженіе *и надѣвцѣ*, на 3-ей строкѣ, окруженное точками, отнесено къ предъидущей фразѣ, какъ ея часть, такъ что слѣдующая за нею фраза должна уже начаться со слова *Якимъ*. Это не правильно, потому-что, за отдѣленіемъ союза *и*, какъ ни понимать *надѣвцѣ*, косвеннымъ ли падежемъ слова *надѣвка* или какъ-нибудь иначе, его никакъ нельзя грамматически привязать ни къ управляющему глаголу *порядися*, ни къ чему другому. *Се порядися Тѣшата съ Якимомъ про складьство про первое и про заднеіе* есть предложеніе оконченное. Слѣдующій за тѣмъ союзъ *и* есть начало новаго предложенія: *и на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ*, гдѣ управляющему глаголу *взялъ*, кромѣ прямаго дополненія *серебро*, относится и еще одно, именно *на дѣвцѣ*,

въ дательномъ падежѣ, если считать это слово дательнымъ падежемъ отъ *надѣвка*, или въ предложномъ, если считать его предложнымъ отъ *дѣвка*, съ предпоставленнымъ предлогомъ *на*.

Въ-слѣдъ за выраженіемъ: *а на томъ послуси*, высчитываются свидѣтели, бывшіе при совершеніи контракта: *Давидъ попъ* и пр. Въ переводѣ Г. Наперскаго отдѣлено ихъ восемь. Почему именно восемь, основанія не видно. Если основываться на точкахъ подлинника, то надо насчитать ихъ двѣнадцать; если же къ каждому имени отнести еще другое прозвище или званіе, или по происхожденію, или по чему-нибудь подобному, то будетъ только шесть. При имени *Давидъ* есть званіе: *попъ*; *Дорожка* есть прозваніе Домослава; *Вскошкинъ* фамильное имя Бояна; *Аойковичъ* фамильное имя Кузьмы; *Жихновичъ* фамильное имя Жидила; *Смолянникъ* прозвище Ивана по мѣсту его родины.

Въ дополненіе къ этимъ замѣчаніямъ, для оправданія чтенія, принятаго мною, я долженъ прибавить, что не находя возможнымъ читать *надѣвкѣ* какъ одно, слово, потому-что ни этого слова, ни ему подобнаго, въ томъ смыслѣ, какой можетъ быть здѣсь ожидаемъ въ памятникахъ русскаго языка нѣтъ, я отдѣлилъ *на*, какъ предлогъ, отъ *дѣвкѣ*, какъ существительнаго въ мѣстномъ падежѣ, и этимъ облегчилъ для себя разумнѣе смысла. *Взять серебро на конѣ* или *на гелѣ*—выраженіе, довольно обычное въ древнемъ русскомъ языкѣ и всегда употребляется въ одномъ и томъ же значеніи, какъ читатель увидитъ изъ послѣдующихъ объясненій.

Считая это достаточнымъ для оправданія чтенія, я остановлюсь, слѣдуя этому чтенію, на тѣхъ частяхъ

грамматъ, которыя болѣе другихъ могутъ затруднять разумнѣе ея содержанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представлю оправданія, на основаніи которыхъ надобно допустить нѣкоторыя измѣненія въ переводѣ, сдѣланномъ Г. Наперскимъ.

1. Се порадиша чѣшата съ изъимомъ про складьство про первое и про заднее.

Подъ выраженіемъ *складьство первое и заднее* Г. Наперскій понималъ ein Schmuck bestehend aus Vorder- und Hintertheil (украшеніе, состоящее изъ передней и задней части), и именно Hals- oder Brust-Schmuck (ожерелье, или что-либо подобное), т. е. ту же вещь, которая ниже въ грамматѣ названа *мошаста*. Противъ этого я позволю себѣ сказать, что если бы слово *складьство* и могло значить ожерелье, или что-нибудь въ этомъ родѣ, подобно тому какъ *складень* значить складной образокъ, носимый на шеѣ, а *складво* у Хорватовъ истрианскихъ значить браслетъ, то все же слово *первое*, въ значеніи «переднее», не можетъ быть относимо къ предметамъ, подобнымъ ожерелью, складню, браслету и т. д.

Слово *первый*, кромѣ того смысла въ которомъ остается до сихъ поръ, изстари употреблялось у насъ въ смыслѣ «прежній, предъидущій», а равно и «прошедшій, старинный, древній». Въ лѣтописи Нестора въ самомъ началѣ стоитъ это слово два раза: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда іестъ пошла Русьская земля, кто въ Кыевѣ нача *перже* княжити и откуда Русьская земля стала іестъ. Се начнемъ повѣсть сію. По потоу *первию* сынове Ноіеви раздѣлиша землю». Въ-слѣдъ за этимъ началомъ, и Несторъ и другіе лѣтописцы наши употребляютъ это слово въ томъ же смыслѣ довольно часто.

Такъ напр. подъ 945 годомъ, въ предисловіи къ договору Игоря съ Греками, говорится: «присла Ромагъ... слы къ Игореву построити мира *перваго*.» Такъ и подъ 1094 годомъ, упоминая о налетѣ саранчи, лѣтописецъ замѣтилъ: «и не бѣ сего слышано въ д'нехъ *первыхъ* въ земли Русьстѣй, яже видѣста очи наши за грѣхи наши.» Такъ и подъ 1106 годомъ, говоря о смерти старца Яна, лѣтописецъ замѣтилъ, что Янъ «живѣ по закону Божию, не хужи бѣ *первыхъ* праведникъ.» Такъ и въ поученіи Владиміра Мономаха читаемъ: «И сему ся подивуеиemy. Како птица небесныя изъ прѣя идут. и *перете* на шируцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣнъемъ, да наполнятся лѣси и поля.»* Въ такомъ же смыслѣ точно какъ и *прежши*, употреблялось и слово *предыиши*: «тоіе же зимы даша Изяславу Туровъ и Пиньскъ къ Мѣньску: то бо бѣшеть его остолея *предыиши* волости его.»

Слово *задѣиши* значило и значить также «прежній, прошедшій»: такъ мы часто употребляемъ выраженіе заднее число въ смыслѣ «прошедшій, предыдущій день»; но оно употреблялось и въ томъ смыслѣ, какъ «послѣдующій». Слово это *задѣиши* происходитъ отъ

* Выраженіе *нашируцѣ*, въ подлинникѣ написанное слитно, обыкновенно читаютъ такъ: «наши руцѣ». Мнѣ кажется такое чтеніе невѣрнымъ, столько же какъ и не умѣстнымъ, ни на сколько не помогающимъ понять хоть въ половину смыслъ другихъ выраженій. По моему мнѣнію, надобно читать: *на шируцѣ*, гдѣ «шируцѣ» есть предложный падежъ отъ слова *ширукъ*, *шируко* или *ширука*, теперь выговаримаго сирокко или широкко. На шируцѣ значить «на вѣтрѣ, по вѣтру».

сложнаго предлога *задъ* [*за+дъ*, такъ же какъ *на+дъ* = *надъ*, *по+дъ* = *подъ*, *прѣ* (или *пере*)+*дъ* = *прѣдъ* = *передъ*, ипр.] Предлоги *прѣдъ* = *передъ*, и *задъ*, по смыслу противуположны. *Задъ его* — за нимъ (Лл. 149), *задъ дружины* — за дружиной (Лл. 159), *задъ тѣла* — за тѣломъ (П. М. Ник. 68). Такъ противуположны должны быть и прилагательныя, отъ нихъ произведенныя, — и какъ *передьнии* или *прежьнии* значить «тотъ, который былъ, есть или будетъ или впереди, или прежде», *предъидущій*, такъ и *задынии* значить «тотъ, который былъ, есть или будетъ сзади или послѣ», *послѣдовавшій*, *послѣдующій*. При такомъ смыслѣ слова *задынии*, легко могъ образоваться и юридическій терминъ *задыница* въ значеніи имѣнія, остающагося послѣ покойника: «аже умреть смердъ, то задъница князю, аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за князя задъница не идетъ» (Рус. Пр.); «а кто его задницу возметь, то в того Немчию товаръ взяти» (Грамм. Смол. съ Риг. по противню 1229 г., а въ противнѣ 1228 года въ этомъ мѣстѣ употреблено слово *остатокъ* (у Тобина, 60).

Что касается до слова *складство*, то хотя его и нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, но смыслъ его, сообразный со значеніемъ прилагательныхъ *первыи* и *задынии*, сопоставленныхъ при немъ въ разбираемой грамматѣ, можно опредѣлить помощію другихъ нарѣчій славянскихъ и отчасти даже словъ русскихъ одного, съ нимъ происхожденія. — Въ польскомъ, слово *sklad* употреблялось въ значеніи *przyjacielskiej zgody*, полюбовнаго суда (Voll. Legg. II, 611 и 934, подъ год. 1562 и 1580). Другой, близкій къ этому смыслъ слова *sklad* видѣнъ въ польскомъ выраженіи: *sklad apostolski*, чтò зна-

читать то же, что *spolek apostolski*, das apostolische Glaubensbekenntniss. Въ лужицкомъ, въ этомъ смыслѣ, употребляется слово *skladovanjo*. Въ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, слова: *склад*, *складание*, *склада*, *складность*, значать *concordia*, *conventia*, *factum*, *factio*, *conjunctio*, *unanimitas*; а *складам се*, *складовали се*,—*concordo*, *accordo*, *consono*; *складно*—*concorditer*, *honeste*. Въместо *складъ* у насъ употреблялось слово слогъ; такъ напр. Алексѣевъ, ссылаясь на твореніе Дамаскина о вѣрѣ, объясняетъ слогъ словами «договоръ, союзъ, завѣтъ» (Церк. Слов. IV, 107). Такое же значеніе было и за словомъ сложеніе, которое по объясненію Памвы Беринды, значить «умова, заложенъе, або зложенъе, размавитое постановленъе въ купляхъ, въ примирьи, примирье, змова, згода, покой, зезволенъе, произволенъе». Положенный значило опредѣленный по условію или договору: «а холопу, рабъ данному положенному, заѣмному, поручьному, землѣ, водѣ, судъ отъ вѣка.» (Акты А. Э. I, N^o 14); «суженаго не посужати, суженое положеное дати» (Собр. Гос. Гр. I, N^o 32). Этимъ словамъ соотвѣтствуетъ югославянское слово слога, употребляемое въ значеніи союза, покоя, согласія: «слога од Бога, неслога од злога», говорить сербская пословица. Слажемсе значить то же что складамсе, *concordo*, и т. п. Какъ равносильны по значенію формы корнесловныя *клад* и *лог*=*лаг*, видно изъ многихъ нашихъ производныхъ словъ: *сложитъ* значить то же что *скласти*; греческое *σλλεβή* въ единственномъ числѣ мы переводимъ словомъ *слогъ*, а во множественномъ не только слоги, но и *склады*. Такъ и въ переносномъ смыслѣ *складъ* значило тоже, что слогъ; пикникъ въ старой Руси назывался *складомъ пировнымъ* (Акт. Ист. I, 162); *складный* зна-

чило и до сихъ поръ значить гармоническій, пріятный по согласію звуковъ; *складати* значило собирать, созывать для совѣщаній: «князь-местеръ съѣзды *складаетъ*, а на съѣздъ ни самъ не ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ и исправъ не дастъ» (Исков. Лѣт. I, 247). Въ чешскомъ слово *sklad* со своими производными употребляютъ не только въ общемъ смыслѣ соглашенія, но и въ частномъ смыслѣ брачнаго сговора, сватъбы. Въ такомъ именно смыслѣ *sklad* употребляется у Валаховъ моравскихъ, и въ нѣкоторыхъ словацкихъ краяхъ. В. В. Ганка, которому я сообщалъ свое мнѣніе о разбираемомъ памятникѣ на предварительное обсужденіе, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, напомнилъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ изъ старинныхъ памятниковъ чешскаго языка. Въ Тристамѣ чешскомъ читаемъ: I přijede král Rivalin z Lohnois tomu králi Markowi na pomoc, aby mu tak věrně sloužil, zajisté jako by jmanem byl. A to jest byl pro to zdel, aby jeho sestru za ženu sobe pojel: toho s velikou pracu doby, že s nim skládána ta panna by.»* (Starobyl. Skladani, IV. 2.). Въ Азбуковникѣ Воднянскаго, извѣстномъ подъ названіемъ *Lactifer*, есть *swatebnie skladanie* (свадебное складанье) въ смыслѣ *copulatio* (сватъба). *Epithalamium* переведено какъ *spewanie na ženicha a na newěstu při skladani*.** Къ этимъ замѣчаніямъ филолога чешскаго

* И пріѣхалъ король Ривалинъ изъ Лоноа съ помощью тому королю Марку, чтобы такъ вѣрно служить ему, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ иманомъ. А сдѣлалъ онъ это для того, что бы взять женою его сестру, — и съ большимъ трудомъ добился того, что эта боярышня была съ нимъ сосватана.

** Пѣснь въ честь жениха и невѣсты при сватъбѣ.

прибавлю еще мѣсто изъ Dialogi Bohemarii: «Tej to posi bude je *skladaci* (складать)», *ista nocte celebrabitur carnalis copula inter eos.* (Zbirka nejawn. Slownikuw, w. Hanky, 349). Важнѣе другихъ для насъ слово *складаніе* въ смыслѣ сватьбы. Окончанія существительныхъ на *ie* (еніе, аніе) и *ство* довольно часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ, одно вмѣсто другаго, какъ видно изъ русскихъ словъ: величіе и величество, рожденіе и рождество, княженіе и княжество, колдованіе и колдовство, злодѣяніе и злодѣйство, и пр. Такимъ же образомъ вмѣстѣ со словомъ *складаніе* можетъ быть и слово *складство*, и именно въ томъ же значеніи «условія, соглашенія, сговора, — свадебнаго сговора = сватьбы». Самое слово *сватѣба* въ первоначальномъ смыслѣ могло означать только вообще «соглашеніе, условіе»: оно происходитъ отъ корня *ват* = *вѣт*, значащаго то же что *глас*, *говор* = *гвар*, и т. п., и давшаго древнему языку нашему глаголь *сватитися*, равносильный глаголу *свѣтцатися*. Такъ у Нестора: «Святославъ прельсти Всеволода, глаголя тако: Пзяславъ *сватитися* со Всеславомъ, мысля на наю» (Лл. 78). Нѣтъ слова *складство* въ этомъ смыслѣ въ древнихъ нашихъ памятникахъ, нѣтъ его и ни въ какомъ другомъ смыслѣ; но это нисколько не должно мѣшать разумнью, насколько оно объяснимо общимъ здравымъ смысломъ и соображеніемъ. Въ смыслѣ «соглашенія, сговора», слово *складство* совершенно подходитъ къ смыслу словъ *первоіе* и *заднеіе*, а равно и къ смыслу глагола *порядися*; не допускаетъ, насколько теперь можно судить, никакого другаго приличнаго значенія, и слѣдовательно должно быть принято въ разбираемой грамматѣ только въ этомъ смыслѣ. Можно еще,

правда, принимать слово *складьство* въ смыслъ переносномъ — какъ приданое, опредѣленное къ выдачѣ за невѣстой по сговору; но въ переводѣ, такой исключительности значенія слова «складьство», на основаніи данныхъ теперъ извѣстныхъ, допустить нельзя.

Такимъ образомъ начало разбора этой граммати должно быть переведено такъ:

— Порѣшилъ Тѣшата съ Якимомъ относительно сговора * (брачнаго соглашенія) прежняго и послѣдовавшаго.

Слѣдующее за тѣмъ выраженіе граммати еще болѣе убѣждаетъ въ правильности этого перевода:

2. И на дѣвцѣ якимѣ серебро взяла.

Предлогъ *на*, отдѣляемый здѣсь мною отъ существительнаго *дѣвцѣ*, употреблялся и употребляется у насъ отчасти и теперъ съ мѣстнымъ падежемъ въ томъ же значеніи, какъ и предлогъ *за* съ падежемъ винительнымъ: *на комѣ* = за кого, *на чемѣ* = за что. «И нача Бѣдюзъ даяти *на* собѣ злато, и кони, и скоть» (Лл. 119); «и даша *на* немъ рублей гривну на 70 лѣтъ» (Акт. Юрид. I, стр. 110); «а даль Иванъ *на* тихъ земляхъ 8 сороковъ бѣлъ» (тамъ же; новг. купч. XVI вѣка, стр. 112).

Что касается до слова *дѣвка*, то оно изстари означало не только дѣвушку вообще или дочь, но и невѣсту. Быть *въ дѣвкахъ* значить и теперъ — оставаться дѣвушкой, невѣстой незасватанной. «Князь великій велѣлъ тобѣ говорити, что еси ко мнѣ присылалъ свою грамоту о томъ, что у князя у Исайя дочи, и мнѣ бы пожало-

* Удерживаю слово сговоръ въ его древнемъ смыслѣ, — въ смыслѣ договора вообще и по случаю наступающей сватьбы.

вати та его дочка взяти за его сына: ино бояринъ мой Никита *дѣвку* видѣлъ, и ты бы мнѣ учинилъ вѣдомо о томъ, что взяти съ *дѣвкою* на колко тысячъ золотыхъ; то бы еси переписалъ на списокъ, до ко мнѣ прислалъ» (Ист. Г. Р. VI, пр. 125). «Истинная есть тому правда, что во всѣмъ свѣтѣ такого на *дѣвки* обманства нѣтъ» (Котошихинъ, 126). Такимъ образомъ на *дѣвцѣ* значитъ «за дѣвушку, за невѣсту»; а все выраженіе «и на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ» значитъ:

— И деньги за невѣсту Якимъ получилъ.

Указаніе очень важное на древній обычай вѣна за невѣсту, — обычай, извѣстный со временъ Владиміра, который «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунъ опять, царицѣ дѣля», и Ярослава, который, отдавая сестру свою за Казиміра, получилъ отъ него «за вѣно людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.»

3. И рѣшетъ оучинила промежи сѣкѣ, а колѣ не надокѣ какиму тѣшатъ, ни тѣшатѣ какимъ.

Здѣсь можетъ остановиться вниманіе на выраженіи *не надоби*. Иногда оно употреблялось безлично, иногда же напротивъ относилось къ опредѣленному подлежащему. Такъ въ одной изъ старинныхъ духовныхъ (Акт. Юр. N^o 409, стр. 429) рядомъ стоятъ выраженія: «а Семену ту *не надоби*», и не много ниже: «а Семену и Григорью то (купля отца моего, Яковово село) *не надоби*.» Для насъ теперь понятіе смысла безличный. Въ смыслѣ же личномъ *надоби* можетъ быть употреблено и безъ дополненія въ дательномъ падежѣ, и значитъ не только «слѣдуетъ, принадлежить по закону или условію», но и «долженъ, должна, должно». Въ первомъ уже договорѣ Олега съ Греками

читаемъ: «да іемноть у царя вашего на путь брашно и якоря, и узя, и прѣ, и елико *надобѣ*. И да творять куплю, якоже имѣ *надобѣ*.» Здѣсь, въ первомъ выраженіи, *надобѣ* употреблено какъ глаголь личный и значить «слѣдуетъ по закону»; а во второмъ безлично, въ смыслѣ «надобно, пужно». Въ Русской Правдѣ, въ выраженіи: «а матерня чясть дѣтемъ *не надобѣ*, *не надобѣ*, употреблено также какъ глаголь личный, относящійся къ существительному часть, въ смыслѣ: «не слѣдуетъ, не принадлежитъ по закону, не должна отойти». Такъ въ договорѣ Смоленска съ Ригю, въ противнѣ 1229 года: «Нѣмчию же *не надобѣ* ни какое мыто и' Смоленска и до Ригы, а из Ригы и до Смоленска. Такъ же Роусину *не надобѣ* мыто с Готьскаго берега до Ригы, из Ригы до Смоленска» (у Тобина, стр. 68). Здѣсь *не надобѣ* относится какъ глаголь къ подлежащему мыто въ смыслѣ: «не слѣдуетъ, не должно быть взимаемо». Въ противнѣ 1228 года той же грамматы это мѣсто гласить такъ: «всякому латинескому члвкоу свободѣнъ поуте из гочкого берега до Смольнеска без мыта» Такъ и въ псковской лѣтописи, въ словахъ великаго князя: «вамъ моя отчина, какъ Пскову такъ и Новгороду, *не надобѣ* ничто», *не надобѣ* относится къ подлежащему отчина, также съ значеніемъ «не слѣдуетъ» (Пл. 260). Такъ и въ разбираемой грамматѣ *не надобѣ* есть глаголь управляющій, относящійся разъ къ подлежащему *Тѣшата*, а другой разъ къ подлежащему *Якимъ*. Всю фразу я перевожу такъ:

— И расчетъ они оба покончили между собою, а больше не долженъ ни Якиму Тѣшата, ни Тѣшатѣ Якимъ.

Еще мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ у Г. Наперскаго переводъ послѣдней фразы грамматы:

4. А писалъ Довмонтокъ писецъ.

Слово *писецъ* едва ли можно переводить посредствомъ *Schreiber*, принимая его въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь. Писецъ, какъ писарь, дьякъ нашего древняго и стариннаго міра, были иногда лица важныя, не переписчики, а письменоводители, дѣлопроизводители, секретари, лица иногда почти столь же важныя, какъ и тѣ, чьими дѣлами они управляли. Здѣсь не мѣсто распространяться объ ихъ разрядахъ, объ ихъ различныхъ степеняхъ и должностяхъ; общее же ихъ значеніе довольно извѣстно. . . А такъ какъ и самъ Г. Наперскій доказалъ, что подъ именемъ Довмонта должно понимать того князя псковскаго Довмонта, который во святомъ крещеніи получилъ имя Тимоѳея, то и заключительную фразу разбираемой грамматы слѣдуетъ перевести:

— А писалъ (граммату) секретарь (письмоводитель) князя Довмонта.

Такимъ образомъ вся граммата въ новомъ русскомъ водѣ можетъ быть прочтена такъ:

Порѣшилъ Тѣшата съ Якимомъ относительно сговора (брачнаго) прежняго и послѣдовавшаго. И деньги за невѣсту Якимъ получилъ. А свое монисто у Якимовой жены Тѣшата можетъ взять. И расчетъ они оба между собою покончили; а больше не долженъ ни Якиму Тѣшата, ни Тѣшатѣ Якимъ. Свидѣтелями этого были: попъ Давидъ, Домославъ Дорожка, Боянь Вѣкошкинъ, Кузма Лой-

ковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смольнянинъ. А кто нарушитъ это условіе, Якимъ ли или Тъшата, тотъ заплатитъ (неустойки) 100 гривень серебромъ. А писалъ (эту граммату) секретарь князя Довмонта.*

Граммата эта Г. Наперскому и нѣкоторымъ другимъ показалась купчею, почему и напечатана была въ числѣ «Аналектъ русскихъ» Г. академика Куника,** какъ Verkaufsbrief, Kaufseignigung über einen Hals- oder Brust-Schmuck.*** Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Невозможно, если бы и остаться при томъ переводѣ, который предложенъ былъ Г. Наперскимъ, или съ тѣми измѣненіями его, которыя могли быть

* По-нѣмецки это будетъ почти такъ: «Es kam überein Tieschata mit Jakim wegen des Vertrages, des vorigen und des daraufgemachten. Auch für die Braut empfing Jakim das Silber. Das Halsband aber des Tieschata von der Frau des Jakim ist Tieschata frei abzunehmen. Auch die Rechnung haben sie unter sich abgemacht. Und mehr schuldet einer dem andern nichts, weder Tieschata dem Jakim, noch Jakim dem Tieschata. Darüber waren Zeugen David der Pop etc. Wer aber diese Abmachung übertritt, entweder Jakim oder Tieschata, der zahlt 100 Griwen Silber. Geschrieben hat's Dowmont's Secretär.»

** Bulletin de la classe des sciences historiques, T. VIII, N^o 11 стр. 170; Mélanges russes, T. I, стр. 600.

*** М. П. Погодинъ напечаталъ краткія свои замѣчанія на эту граммату въ Москвитянинѣ 1851 г. N^o 6, стр. 115. Онъ правильно принималъ чтеніе: *на двѣцѣ*, т. е. на двѣцѣ; но касательно *складства* полагалъ, что это относится къ какому-нибудь общему дѣлу, въ товариществѣ, которое Тъшата и Якимъ прежде вели, а теперь покончили. *Ред.*

сдѣланы при болѣе счастливомъ истолкованіи выраженія «на дѣвцѣ». Такому взгляду на граммату мѣшаетъ особенно условіе о неустойкѣ, условіе одинаково обязательное здѣсь для обоихъ договаривающихся лицъ, Тѣшатъ и Якима, тогда какъ расчетъ между ними уже оконченъ, такъ что они другъ другу уже ничего не должны, а остается только Тѣшатѣ взять свое монисто у жены Якима. Образцы купчихъ не только XV и XVI, но и XIV вѣка, сохранились въ довольно значительномъ количествѣ. (Акт. Юрид., стр. 110—136), и сличеніе съ ними разбираемой нами грамматы не можетъ, кажется, ни сколько оправдать мнѣнія о ней, какъ о купчей: ни въ одной изъ купчихъ нѣтъ помина о неустойкѣ, не говоря уже о томъ, что купчая сама по себѣ не предполагала особеннаго соглашенія и рѣшенія никакого рода, и не могла бы начинаться выраженіемъ: «се порядися», какъ начинается разбираемая граммата.

Вотъ образецъ старинной купчей, по которому можно имѣть понятіе о формѣ этого рода актовъ:

«Се купи Филипъ Дмитровъ у Федора въ Ларивонова сына лоскутъ земли на гори... а огородъ стѣна съ Омою по половинамъ. А даль Филипъ на той земли 50 бѣлъ да полоть мяса пополонка: и купилъ собѣ одерене и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Ивацъ Степановичъ, Прхурей Ооминъ, Огаѳанъ Федровъ. А въ педати стоялъ самъ Федоръ и землю завель, Ларивоновъ сынъ.»

Выраженіе: *се порядися*, заставляеть напротивъ того думать, что наша граммата есть рядная. Рядныхъ было два рода: однѣ касались соглашеній большею частію по имѣнію (Юрид. Ак., 269 — 273), другія соглашеній брачныхъ (тамъ же, 418—424). Къ числу первыхъ нашу граммату отнести, кажется, нельзя ни по

содержанію, ни по формѣ; къ числу послѣднихъ не лъзя не отнести, какъ кажется, по всему.

Что значила такая рядная, легко понять всякому, кто хоть сколько-нибудь знаетъ наши народные обычаи, до сихъ поръ сохранившіе многое отъ давно минувшихъ вѣковъ. Выдавая за-мужъ свою дочь, отецъ *рядился* съ будущимъ своимъ зятемъ, получалъ за нее отъ жениха или его отца условленную плату, и передавалъ, также по условію, жениху приданое, которое назначалъ за дочерью. Главнѣйшія условія этого ряда заносились въ письменное обязательство, которое утверждалось свидѣтелями. При этомъ, на случай необходимости нарушить договоръ, съ той или другой стороны, опредѣлялась плата за неустойку, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ стоимѣе было приданое невѣсты. Этотъ обычай уцѣлѣлъ въ нѣкоторыхъ краяхъ и до сихъ поръ, сохраняя и древнее названіе *ряда*, ряднаго слова и даже ряднаго склада, также какъ и письменный договоръ жениха съ отцомъ невѣсты—названіе рядной записи, рядной грамотки или просто *рядной*. Этотъ обычай, какъ онъ теперь уцѣлѣлъ, стѣдуетъ быть описанъ во всей подробности, со всеми своими мѣстными видоизмѣненіями, и тѣ изъ знатоковъ народности русской, которые знаютъ ихъ сколько-нибудь обстоятельно, окажутъ услугу наукѣ русской, если сообщать свои свѣдѣнія и наблюденія тому ученому Обществу или лицу, которое сочтутъ болѣе обязаннымъ и лучше умѣющимъ обращать ихъ въ пользу науки. У кого-нибудь изъ наслѣдниковъ древнихъ достояній могутъ найтись и древнія рядныя въ подлинникъ или въ спискѣ: ихъ обнаруженіе тѣмъ болѣе нужно, что древнѣйшія изъ рядныхъ, изданныя Археографическою Коммиссіею относятся къ XVI вѣку.

О старинномъ обрядѣ совершенія такихъ рядныхъ записей сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей въ сочиненіи Котошихина :

« Женихъ... нарядясь съ отцомъ своимъ, или съ родичами или съ друзьями, кого любить, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери. А пріѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственныя встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы, и садятся по чину. А посидѣвъ, учнутъ говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя съ обѣ стороны учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ, и положить сватѣбъ срокъ, какъ кому мочно къ этому времени изготавиться, за недѣлю и за мѣсяцъ, и за полгода, и за годъ, и больше. И учнутъ межъ себя писати въ записяхъ своихъ имена и третьихъ *, и невѣстино; а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленной срокъ, безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣненія. И положить въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ, буде тотъ человѣкъ на тотъ установленной срокъ тое дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000 или 5000 или 10,000 рублей денегъ, сколько кто запишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи и пивъ, поѣдутъ къ себѣ.» (Стр. 120—121.)

Нѣсколько такого рода записей внесено въ число юридическихъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь для соображенія одну изъ нихъ :

«Се язъ Тишина Костянтиновъ сынъ Сульменева : жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ дѣ-

* Т. е. свидѣтелей.

тей Ржевского, а поняти мнѣ ихъ сестра Олена Михайлова жь дочь Ржевского, за недѣлю до заговѣнья Филипова лѣта 7050-осмаго; а не женись язь Тишина на тотъ срокъ у Замятни да у Василья, ино на мнѣ на Тишинѣ взять Замятнѣ да Василью по сей записи сто рублевъ денегъ. А на то послуси: Дмитрей Ивановъ сынъ Маршалкова, да Костянтинъ Федоровъ сынъ Засѣдкаго, да Федоръ Ивановъ сынъ Лыковъ, да Замятня Костянтиновъ сынъ Сулменева. А запись писалъ Васюкъ Федоровъ сынъ Засѣдкаго, лѣта 7057.» (Запись скрѣплена подписью трехъ свидѣтелей.)

Образецъ такого рода рядной записи древняго времени, именно XIII вѣка, представляется въ грамматѣ нами разбираемой. Какой-то Якимъ выдавалъ свою невѣсту, вѣроятно дочь (*дѣвку*), за какого-то Тѣшату. Порѣшая сговоръ (*складѣство*), въ-слѣдствіе окончанія *расчета*, отецъ невѣсты и женихъ, въ засвидѣтельствованіе того, что они другъ другу уже ничего не должны, сдѣлали запись; обозначили въ ней, что вѣно за невѣсту (*серебро на дѣвку*) уже получено, а монисто, уступленное жениху и еще остающаеся у его будущей тещи, женихъ можетъ взять когда захочеть; обозначили тоже, что въ случаѣ нарушенія ряда, нарушитель обязанъ заплатить 100 гривенъ серебра, и утвердили запись свидѣтельствомъ отца духовнаго и пяти другихъ свидѣтелей, и написаніемъ ея рукою секретаря князя Довмонта.

Въ записи не обозначено имя невѣсты, вѣроятно потому, что у Якима дочь невѣста была одна, и что слѣдовательно не представлялось ни какой особенной надобности выставить это имя. Нѣтъ въ записи также и срока свадьбы.... почему? Не трудно кажется разгадать и это, если рѣшить вопросъ: для кого была

сдѣлана эта запись, для отца ли невѣсты, или для жениха, или же обоихъ вмѣстѣ? иными словами: дана ли она женихомъ отцу невѣсты, или отцомъ невѣсты жениху, или же одна и таже запись написана была въ двухъ противныхъ, изъ которыхъ одинъ данъ жениху а другой отцу невѣсты?

Удостоверенія, одинаково важныя для обѣихъ сторонъ, касаются: 1) порѣшенія ряда, 2) окончанія расчета, и 3) неустойки. Удостоверенія, важныя для жениха, касаются 1) выдачи вѣна за невѣсту и 2) права взять жениху у будущей тещи монисто, ему уступленное. Удостовереній, важныхъ только для одного отца невѣсты, нѣтъ ни одного.

Это неравенство удостовѣреній заставляетъ заключать, что рассматриваемая грамота есть запись, данная отцомъ невѣсты жениху, и что вмѣстѣ съ нею написана была другая отъ жениха отцу невѣсты. Безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ важныхъ условій для отца невѣсты было условіе о срокѣ свадьбы; оно не могло быть пропущено въ записи, удостовѣрившей отца невѣсты въ его правахъ въ отношеніи къ жениху,—и занесенное въ одну изъ записей, легко могло быть пропущено въ другой.—Какъ въ этой рядной имѣемъ образецъ записи, данной отцомъ невѣсты жениху, такъ въ рядной выше приведенной изъ «Юридическихъ Актовъ» представляется образецъ записи, данной женихомъ братьямъ невѣсты.

Считая рассматриваемую грамоту рядной записью, данную отцомъ невѣсты жениху, обратимъ еще вниманіе на ея древность и мѣстность.

На древность ея намекаетъ уже пергаминъ, на

которомъ она написана: акты не древніе писались не на пергаминахъ, а на бумагахъ.

Еще болѣе и опредѣлительнѣе говорить объ этомъ какъ упоминаніе о князѣ Довмонтѣ, въ текстѣ ея, такъ и ликъ Св. Тимофея, изображенный на печати. Оба эти обстоятельства замѣчены уже были Г. Наперскимъ. Князь Довмонтъ, изъ роду князей литовскихъ, принялъ христіанскую вѣру въ Псковѣ въ 1266 (6774) году, и получилъ во св. крещеніи имя Тимофея, а въ 1291 скончался (Псков. Лѣтоп. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 180 и слѣд.). Очевидно, что рядная писана послѣ 1266 года.

Сто гривенъ серебра неустойки (сумма важная и не для XIII вѣка) намекаютъ на значительность лицъ, которыя совершили эту запись; но объяснить опредѣлительно, кто именно были они, сколько знаю, не возможно.

Древность грамматы, при маломъ числѣ древнихъ подлинныхъ грамматъ русскихъ, заставляя археологовъ дорожить ею какъ памятникомъ быта и обычаевъ русской старины, обязываетъ и филолога дорожить ею какъ однимъ изъ рѣдкихъ памятниковъ древняго русскаго языка.

Граммата эта, не смотря на свою малую величину, замѣчательна по тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя представляются въ ней касательно переходнаго состоянія русскаго языка въ XIII—XIV вѣкѣ, когда древнія формы были постепенно забываемы, а новыя постепенно все съ большею силою заступали ихъ мѣсто.

1. Знаки глухихъ гласныхъ звуковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поставлены правильно на своемъ древнемъ мѣстѣ (Якъѣмомъ, томъ, складъство, дасть, переступить), въ другихъ же или опущены (свободна, дорожка, взяти,

дѣвѣцѣ, *псалъ* *), или замѣнены цѣлыми гласными «первое, Вѣкошкынѣ, Якымомѣ, тотѣ»).

2. Буква *ѣ* употреблена всюду правильно («Тѣшата, Тѣшатѣ, дѣвѣцѣ, болѣ, ненадобѣ, Вѣкошкынѣ»).

3. Гласный звукъ *и*, который, по особенному стремленію русскаго языка, долженъ былъ во многихъ случаяхъ отдавать свое мѣсто звуку *е* («жеребѣи—жеребѣи»), удержанъ въ словѣ *сии*, которое и въ старославянскомъ языкѣ выговаривалось *сей*.

4. Гласный звукъ *и* представляется нѣсколько разъ сократившимся въ согласный *ј* («Лойковичѣ, *Иванъ спѣи*»).

5. Широкий звукъ *ѣ*, отдавшій въ послѣдствіи свое мѣсто звуку *и* послѣ гортанныхъ, удержанъ вездѣ правильно («Якѣзмѣ, Якѣзмовѣ, Вѣкошкынѣ»).

6. Мягкій выговоръ шипящихъ представляется въ смѣшеніи съ твердымъ («Тѣшѣта, Тѣшѣтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Тѣшата»).

7. Смягченіе гортанныхъ въ свистящіе удержано («дѣвѣцѣ, послуси»).

* О словѣ *псати* считаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ. Обѣ формы *псати* и *писати* одинаково были употребляемы въ хартіяхъ славянскихъ въ древности. Такъ въ древнемъ русскомъ, напр. въ грамматѣ договорной Смоленска съ Ригой, по противню 1228 года: «ся грамота *псана*», а по противню 1229 года: «си грамота *написана*» (у Тобина, 71) или въ одной изъ новгородскихъ купчихъ: «а *псалъ* Олуферій передѣ обима *пстчи*» (А. Юр. 110), а въ другой: «а грамоту *писалъ* Григорей» (А. Юр. 111), и пр. *Писати* относится къ *псати*, какъ *пхати* къ *пихати*, *чхати* къ *чихати*, *цхати* (т. е. тскати) къ *тискати*, *мхати* къ *мигати*, *драти* къ *дирати*, *брати* къ *бирати*, и пр. Теперь форма *псати* удержалась вполнѣ только въ чешскомъ.

8. Двойственное число оставлено при своихъ древнихъ правахъ («и ращеть оучинила Тѣшата и Якъмь промежи себе»).

9. Прошедшее простое еще было живо («Се поряди ся»).

10. вмѣстѣ съ тѣмъ однако употреблено и прошедшее сложное сокращенное, т. е. съ пропускомъ вспомогательнаго глагола («Якъмь серебро *взялъ*,—а *псалъ* Довмонтовъ писецъ»).

11. Равно и въ другихъ случаяхъ глаголь существительный пропущенъ («мониста Тѣшатина свободна Тѣшатъ взяти,—а болѣ не надобѣ Якъму Тѣшата,—а на томъ послуси,—и рощеть учинила промежи себе.»)

12. Склоненіе прилагательнаго неопредѣленнаго или одночленнаго представляется отдѣльнымъ отъ склоненія прилагательнаго двучленнаго («у Якъмовы жены»).

Къ этому прибавить еще можно нѣсколько замѣчаній о тѣхъ синтаксическихъ особенностяхъ древняго и стариннаго языка Русскихъ, которыя могутъ остановить на себѣ вниманіе читателя въ разбираемой грамматѣ.

— Се порядиса тѣшата. Се (средній родъ мѣстоименія *сь*) употребляется нерѣдко въ значеніи объяснительнаго указанія въ родѣ члена передъ глаголомъ, именемъ, мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ. Иногда можно перевести *се* въ этомъ значеніи посредствомъ *вотъ* или *такъ*, иногда же невозможно не оставить вовсе безъ перевода. «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои»: такъ начинается духовная Ярослава. «Се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой»: такъ началъ Владиміръ Мономахъ признаніе о своихъ дѣлахъ въ поученіи дѣтямъ. «Се первѣе взялъ іееси зракъ очю

моією, а се нынѣ хоцещи взяти душу мою»: такъ сказалъ Василько Святополку, выходя съ нимъ на битву. «Се молитися и каятися достоитъ день и ночью»: такъ началъ свое слово о молитвѣ одинъ безымянный проповѣдникъ. Есть не мало грамматъ и грамотокъ, начинающихся этимъ словомъ: *се* язъ, *се* въдалъ, *се* пишу, *се* купи, *се* глаголетъ, *се* дньесь, и т. п. Грамматики, вѣроятно, безъ труда рѣшатъ, что это за часть рѣчи.

— А мониста тѣштина у іакзімовы жены скогодна тѣшатѣ кзати. Въ языкѣ позднѣйшемъ слово *свободна* не было бы поставлено со словомъ *мониста*, а лично, въ единственномъ. Въ языкѣ древнемъ, требованіе словосогласованія было въ этомъ случаѣ другое. Такъ въ договорной грамматѣ Смоленска съ Ригой, въ противнѣ 1228 года сказано: «пискоунъ ризский, мастъръ бжхъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу *свободну* ѿ върхоу и до низоу въ мѣре и по въдѣ и по бѣрегоу всемоу латинескому языкоу и Роуси». Въ противнѣ 1229 года то же; только вмѣсто *свободну* употреблено *вольну*: «дали Двиноу *вольну*».

— А на томъ послуси. Выраженіе *на то* очень обыкновенно въ древнихъ и старыхъ грамматахъ русскихъ передъ словомъ *послухи* или другимъ того же смысла (мужи, люди, сидѣльцы, и т. п.). Нельзя этого сказать о выраженіи *на томъ*. Оно впрочемъ совершенно понятно всякому, кто вникъ въ духъ русскаго языка народнаго. Здѣсь *на томъ* значить: «на томъ ряду». Въ томъ же родѣ читаемъ въ нашихъ актахъ: «а на судѣ были» (Ак. Юр., стр. 12), «а на семъ приговорѣ были люди добрыи» (Ак. Юр., 270), «а на семъ дѣлу были люди добрыи» (Ак. Ю., 274), и пр.

Ограничивая этимъ разборъ текста рядной, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о привѣщенной къ ней печати и о виѣшней формѣ грамматы.

Читатель, который станеть сличать снимокъ съ печати, приложенный къ переводу Г. Наперскаго въ «Академическихъ извѣстіяхъ», со снимкомъ, прилагаемымъ здѣсь, найдетъ между ними разницу, для сфрагиста очень значительную. Такъ напримѣръ, литографъ перваго снимка не изобразилъ видныхъ на лѣвой сторонѣ святаго, остатковъ буквъ *Α* и *Η*, а въ словѣ *Τιμοϋει* начертилъ букву *Ε* въ видѣ нашего прописнаго *Е*, что могло родить невольное сомнѣніе въ подлинности самой печати. Читатель замѣтитъ наблюдательность и ловкость художника, приготовившаго нашъ снимокъ, и безъ сомнѣнія поблагодаритъ его за тщательность труда.*

Печать свинцовая, темно-синяго цвѣта, сдѣлана изъ двухъ пластинокъ, сплоченныхъ одна съ другою, какъ сплавиваются таможенные пломбы, такъ-что пеньковая веревочка укрѣплена между ними. Чеканка вышла очень не ловко: съ одной стороны оттиснулось не все, а другая сторона оттиснулась въ два раза.

На одной сторонѣ печати изображенъ ликъ Св. Тимоѣя, какъ можно судить по надписи; слѣва видно: *Α Η*—начало слова *ἁγίος* (святой), а справа: *ΤΗ|ΜΟ|ΘΕ|Ι* на четырехъ строкахъ. На другой сторонѣ шестико-

* Рисунокъ печати сдѣланъ нашимъ художникомъ антикваріемъ Г. Шуховымъ, тѣмъ самымъ, который составилъ прекрасные рисунки для дипломовъ Общества и теперь занимается снимками съ древнихъ рисунковъ къ житію св. Бориса и Глѣба.

нечный крестъ и надъ нимъ слѣва: $\tilde{\text{I}}\text{C}$, а справа $\tilde{\text{X}}\text{C}$, отиспунтое два раза.

Изслѣдованія объ этой печати оставляемъ на другое время, когда можно будетъ воспользоваться для этого нужнымъ количествомъ фактовъ. Факты по части русской сфрагистики еще у насъ не разобраны и не собраны, а между тѣмъ ихъ уже не мало, начиная съ того упоминанія о печатяхъ, которое находится въ договорѣ Игоря съ Греками, до XIV вѣка и слѣдующихъ. Между тѣмъ можемъ отослать читателя къ статьѣ покойнаго Евгенія, митрополита кievскаго, собравшаго общія замѣчанія о русскихъ печатяхъ, въ своихъ примѣчаніяхъ на грамматы Мстислава и Всеволода (въ III т. Трудовъ Москов. Общ. Ист. и Древностей).

Не менѣе печатей любопытна въ древнихъ актахъ ихъ вѣшность. Обращено уже было вниманіе въ актахъ большаго размѣра на то, что одни изъ нихъ складывались въ-двое, въ-трое или въ-четверо, другіе свертывались въ свитки. Въ Россіи, въ старину, были на то свои обычаи, о которыхъ скажемъ при общемъ обзорѣ нашихъ древнихъ печатей. Разсматривая лоскутокъ пергамина, на которомъ написана наша грамота, нельзя не замѣтить на немъ продольныхъ и поперечныхъ сгибовъ: продольные довольно тонки, поперечные широки, тѣхъ восемь, этихъ четыре; другими словами, листокъ сложенъ въ тридцать-вторую долю, сперва вдоль, потомъ поперегъ. Въ такомъ видѣ привѣшенная на веревкѣ печать не могла входить въ складку пергамена, а должна была держаться наверху, сложенной грамоты, закрывая собою большую часть верхней складки.



ПРИБАВЛЕНІЕ.



Письмо къ И. И. Срезневскому

К. А. НЕВОЛИНА.



Милостивый государь Измаилъ Ивановичь!

Прочитавъ съ истиннымъ удовольствіемъ объясненія ваши на псковскую граммату XIII вѣка, открытую Г. Наперскимъ, представляю, по вашему вызову, нѣсколько своихъ замѣчаній.

Я согласенъ съ принимаемымъ вами образомъ чтенія грамматы, кромѣ небольшой отмѣны въ разстановкѣ знаковъ препинанія, какъ откроется ниже.

Я совершенно согласенъ съ вами, что разсматриваемая граммата не принадлежитъ къ разряду купчихъ: ни по формѣ своей она не походитъ на древнія, до сихъ поръ извѣстныя, купчія, ни ея содержаніе не указываетъ прямо какими-либо словами на продажу и покупку.

Но по тѣмъ же причинамъ граммата не можетъ быть относима къ отдѣлу рядныхъ, касающихся брачныхъ соглашеній и отпечатанныхъ въ Акт. Юрид. стр. 418—424. Существенную принадлежность рядныхъ этого рода составляли означеніе именъ жениха и невѣсты и означеніе срока, къ которому должна быть совершена свадьба. Ничего подобнаго не означено въ разсматриваемой грамматѣ. Если до нѣкото-

рой степени и можно принять ваше объясненіе, почему въ записи не обозначено имя невѣсты, то однакоже пропускъ имени жениха и пропускъ срока свадьбы совершенно необъяснимы: съ такимъ пропускомъ самая запись была бы не въ запись.

Другой отдѣлъ рядныхъ грамматъ, именно отдѣлъ рядныхъ, касавшихся, какъ вы пишете, соглашеній по имѣнію, есть, безъ сомнѣнія, тотъ отдѣлъ, къ которому относится и разсматриваемая граммата. Она принадлежитъ къ числу мировыхъ записей, которыми стороны спорящія соглашаются на опредѣленныхъ условіяхъ прекратить споръ между собою, возникшій изъ какой-бы то ни было юридической причины, напр. даже изъ сговорной (брачной) записи. Такое значеніе разсматриваемой грамматы очевидно изъ сравненія ея съ другими подобными, именно новгородскими. Выписываю одну изъ нихъ (Акт. Юрид. № 257, гр. II, стр. 270):

«Се срядилися Василей Ѳедоровъ и его дѣти и
«его братья, Александровы дѣти, Мартемьянъ и Иванъ
«и Ондреянъ и Іяковъ, съ посадникомъ съ новгород-
«скимъ съ Иваномъ съ Даниловицемъ, про участокъ
«дяди своего, про Андреевъ, что купилъ посадникъ
«Иванъ Даниловиць у игумена святаго Спаса и у
«всѣхъ черницовъ, участокъ Ондреевъ дяди ихъ, за
«Волокомъ въ Соломбалѣ, Яковецъ островъ и Карп-
«цовъ островъ и въ Соломбалѣ, что въ Соломбалѣ
«на полѣ, и въ Ижмѣ, что съ Ѳедоромъ на полѣ,
«и въ Лодмѣ, что съ Ѳедоромъ на полѣ, и въ
«Унѣ и въ солонныхъ мѣстѣхъ, въ отцынѣ его четвер-
«тая часть: и взя посадникъ Иванъ Даниловиць у него
«Василья и у его братановъ, у Александровыхъ дѣтей,
«на Ондрееневѣ Чюмоткѣ, въ Соломбалѣ, чимъ Андрей

«владѣль, сто рублевъ, что купилъ посадникъ Иванъ
«Даниловиць у черицовъ Святаго Спаса и болѣ по-
«томъ не надоби посаднику Ивану Даниловичу у
«цернцевъ Святаго Спаса вступатися, Соломбалъ, за
«Волокомъ, въ Ондреевъ участокъ. А что рядиѣи гра-
«мотѣ у Ивана у посадника съ Васильемъ, а тѣ гра-
«мотѣ посадникъ Иванъ подраше; а его грамоту взялъ
«посадникъ Иванъ безсудную на Александра съ дѣтми
«и на Василья; а ту грамоту посадникъ Иванъ подраше.
«А что пожня Латипертъ, а та пожня знати Ивану по
«своей исправѣ, а Василью и его братанамъ, Олексан-
«дровымъ дѣтямъ, положити свои исправѣ. А потомъ
«не надоби посаднику Ивану Даниловичу, ни игумену
«Святаго Спаса съ Хутыня, ни чернцемъ, до Василья,
«ни до его дѣтей, ни до его братановъ до Александро-
«выхъ дѣтей, въ томъ орудѣи въ Ивановѣ куплѣ; а
«посадницы ничто по сей Василью, ни его дѣтемъ, ни
«его братаномъ Александровымъ дѣтемъ, не надоби до
«посадника до Ивана до Даниловица, ни до игумена
«Святаго Спаса съ Хутына, ни до цернцевъ, въ томъ
«орудіи ничто же.—А на порядцѣ съ обѣ поло-
«винѣ: тысяцкой Олександръ Ивановичъ, да Яковъ
«Дмитріевичъ, Иванъ Дмитріевичъ, Сава Ермолиницъ,
«Евѣ Кузmine, Нефедѣ Парѣеневѣ. А у печати
«стоялъ, въ братьи своей мѣсто, Мартемьянъ Ивановъ;
«въ Ондреяново братьи ихъ Яковлево мѣсто, у печати
«стоялъ сынъ его Стафій. А кто сѣя порушитъ, дасть
«князю и владыцѣ десять гривень золота.»

Сходство этой и другихъ мировыхъ новгородскихъ
грамматъ съ разсматриваемою псковскою грамматою
едва ли можетъ быть справедливо оспариваемо.

Мировая новгородская граммата начинается словами:
«се срядилися» такія-то лица. Въ псковской грам-

матѣ начало такое же: «се порядися Тѣшата съ Якимомъ.»

Въ новгородской грамматѣ предметъ, о которомъ сдѣлано мирное соглашеніе, соединенъ съ словомъ срядилися предлогомъ про: «се срядилися» такіе-то «про участокъ дяди своего.» Въ псковской грамматѣ пишется: «се порядися Тѣшата съ Якимомъ про складъство про первое и про заднее.»

Въ новгородской грамматѣ, по изложеніи содержанія мирнаго соглашенія, присоединяется: «и болѣ потомъ не надоби посаднику Ивану Даниловичу у церницевъ Святаго Спаса вступатися, Соломбалѣ, за Волокомъ, въ Одреевъ участокъ.» Нѣсколько далѣе: «А потомъ ненадоби посаднику Ивану Даниловичу, «ни игумену Святаго Спаса съ Хутыня, ни черицемъ, «до Василья, ни до его дѣтей, ни до его братаповъ «до Александровыхъ дѣтей, въ томъ орудьи въ Ивановѣ купли; а посадницы ничто по сей Василью, ни «его дѣтемъ, ни его братаномъ Александровымъ дѣтемъ «не надоби до посадника до Ивана до Даниловица, «ни до игумена Святаго Спаса съ Хутыня, ни до «цернецовъ, въ томъ орудіи ничто же.» Въ псковской грамматѣ, по изложеніи расчета, пишется: «а болѣ не надобѣ Якому Тѣшята, ни Тѣшятѣ Якимъ.»

Послѣ статьи, объявляющей одну сторону не другою, въ новгородской и псковской грамматкахъ поименовываются свидѣтели. Въ новгородской: «а на порядцѣ съ обѣ половины тысяцкой Олександръ Ивановичъ, да Яковъ Дмитріевичъ» и проч. Въ псковской: «а на томъ послуи: Давидъ понъ» и проч. При-этомъ относительно лицъ, бывшихъ на порядцѣ какъ сказано въ новгородской грамматѣ, или послуховъ, какъ въ псковской, должно сравнить слѣдую-

щія выраженія изъ другихъ новгородскихъ грамматъ, напечатанныхъ также въ Акт. Юридич. № 257, именно изъ гр. i: «а на то рядци и послуси»; изъ гр. iii: «а на то послухъ Святой Михаилъ» (во имя котораго былъ монастырь, участвовавшій въ заключеніи ряда), «и на то же рядци и послуси»; изъ гр. iv: «а на то рядци съ обѣ половины»; изъ гр. v: «а на то съ обѣ половины рядци»; изъ гр. vi: «а на то рядци и послуси». Различеніе рядцевъ (мировыхъ посредниковъ) и послуховъ показываетъ, что иногда одни и тѣже лица были свидѣтелями и рядцами вмѣстѣ, иногда кромѣ рядцевъ могли быть еще особыя свидѣтели. Рядцы всегда были и послухи. Послухи, если бы въ актѣ и не были названы рядцами, могли однакоже соединять въ себѣ этотъ характеръ, такъ что не было надобности еще особенно означать ихъ какъ рядцевъ. Впрочемъ разумѣется само собою, что мировое соглашеніе между двумя лицами могло быть сдѣлано и безъ участія рядцевъ. Въ такомъ случаѣ въ мировой грамматѣ по необходимости означались одни только послухи. Мировая псковская грамота, можетъ быть, именно была заключена безъ рядцевъ; почему въ ней и поименованы одни только послухи.

Послѣ людей, бывшихъ на порядцѣ, въ новгородской грамматѣ замѣчается: «а у печати стоялъ, въ брати своей мѣсто, Мартемьянъ Ивановъ; въ Ондrejaнovo брати ихъ Яковлево мѣсто, у печати стоялъ сынъ его Стафій.» Въ псковской грамматѣ не сдѣлано подобнаго замѣчанія; но оно и не было существенно необходимо, какъ показываютъ другія новгородскія мировыя грамоты, именно, гр. i, iii, iv, vi, въ которыхъ также нѣтъ подобнаго замѣчанія. Оно дѣйствительно не было нужно, какъ скоро тѣ же

лица, которыя совершили рядъ и присутствовали при немъ, стояли сами лично и у печати (т. е. присутствовали при ея приложеніи, или, правильнѣе въ настоящемъ случаѣ, при ея привѣщеніи).

Въ новгородской грамматѣ въ концѣ пишется: «а кто сія порушитъ, дасть князю и владыцѣ десять гривенъ золота.» Въ другихъ новгородскихъ грамматахъ пишется, именно въ гр. i: «а кто наступитъ на сій рядъ, дасть князю и посаднику дватцать гривенъ золота»; въ гр. iii: «а кто сій рядъ порушитъ, дасть судѣ три тысячи бѣлъ;» въ гр. iv: «а кто сей рядъ порушитъ, дасть судьямъ тысяцю бѣлки;» въ гр. v: «а кто сей рядъ подвинетъ, дасть судьи гривну золота.» Въ псковской грамматѣ также пишется въ концѣ: «а кто сей рядъ переступить, Якимъ ли, Тѣшата ли, тотъ дасть сто гривенъ серебра.» Хотя здѣсь не говорится, что эта сумма должна быть заплачена судѣ (или князю, какъ судѣ); но не говорится также, чтобы эту сумму должна была заплатить въ случаѣ нарушенія ряда одна сторона другой. Какъ по существу мировыхъ сдѣлокъ, заключавшихся въ сѣверной Россіи, назначавшаяся въ нихъ сумма опредѣлялась въ пользу судьи, то и не было надобности замѣчать въ псковской грамматѣ объ этой суммѣ, что она слѣдуетъ именно въ пользу князя.

Псковская граммата оканчивается означеніемъ писца: «а псалъ Довмонтовъ писецъ.» Въ новгородской грамматѣ писецъ не замѣченъ, потому что означеніе его не было существенно необходимо; но въ другихъ новгородскихъ мировыхъ записяхъ онъ означенъ, именно въ гр. v: «а рядную псалъ грамоту Григорій

дьякъ Святаго Михаила,» и въ гр. vi: «а писалъ грамоту Самыла дьякъ.»

Наконецъ къ псковской граматѣ привѣшена печать князя Тимофея (Довмонта). У новгородской граммати также была печать, какъ замѣчено въ ней самой; равно были печати и при другихъ новгородскихъ мировыхъ грамматахъ, какъ то: при грам. i, iii, iv, v, vi. О значеніи печатей, привѣшивавшихся или прикладывавшихся къ грамматамъ въ древнія времена, ср. въ моей Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ т. ii, с. 50—51 и с. 54—55. По отношенію къ граматѣ псковской я полагаю, что привѣска къ ней печати (а слѣдовательно и подпись граммати княжескимъ писцемъ) имѣла оффиціальное значеніе, такъ какъ къ граматѣ привѣшена была именно княжеская печать. Ср. Псков. судн. грам., изд. Мурзакевичемъ, с. 9: «а княжей писецъ възметъ по силѣ истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной. А захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатати. А не запечатаетъ князь, ино у Святѣй Тройцы запечатати; въ томъ измѣны нѣтъ». А также с. 13: «А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имѣ имати» (здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ для одного слова) «по денги. А толко княжой писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатати. А не запечатаетъ князь, ино у Святѣй Тройцы запечатати; а въ томъ измѣны нѣтъ.»

И такъ, для меня по крайней мѣрѣ, несомнительно, что псковская грамота принадлежитъ къ ряряду ми-

ровыхъ грамматъ, къ тому разряду, который отпечатанъ въ Акт. Юрид. подъ № 257.

Это заключеніе совершенно не зависитъ отъ вопроса, что именно было предметомъ спора между Якимомъ и Тѣшатою, и на какихъ условіяхъ они помирились между собою. Я думаю впрочемъ, что ни чѣмъ нельзя строго доказать, что споръ возникъ изъ какого-нибудь брачнаго договора; думаю, что предметъ сдѣлки не есть плата за невѣсту. Приступая къ объясненію частныхъ сдѣлки, я слѣдую за словами граммати съ низу въ-верхъ.

На существо мировой сдѣлки, заключенной между Якимомъ и Тѣшатою, мнѣ кажется, находится ясное указаніе въ самой грамматѣ, именно въ словахъ: «рощеть учинила промежи себе.» Предметъ мировой сдѣлки между Якимомъ и Тѣшатою есть расчетъ между ними. Всякій расчетъ предполагаетъ или требованія и долги съ обѣихъ сторонъ, или требованія съ одной и долги съ другой; онъ оканчивается, если сторона, остающаяся чѣмъ-нибудь должною другой по взаимнымъ счетамъ, уплачиваетъ ей свой долгъ.

Дѣйствительно, таково существо разсматриваемой сдѣлки. Въ грамматѣ пишется: «на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ; а мониста Тѣшатиная у Якимовы жены свободна Тѣшатѣ взяти.» вмѣсто точки между обоими предложеніями я ставлю точку съ запятою. Оба предложенія находятся во взаимной связи, и одно есть послѣдствіе другаго: Якимъ получилъ свое серебро (или свои деньги) за дѣвку или съ дѣвки (пока я не останавливаюсь на этомъ различіи); послѣ сего Тѣшата свободно можетъ взять свою монисту (ожерелье) у Тѣшатиной жены. Связь между двумя предложеніями та, что Тѣшата за какую-то дѣвку, или сама эта

дѣвка были должны извѣстною суммою денегъ Якиму или его женѣ, что у Якимовой жены въ рукахъ находилась мониста Тѣштина, которая не была выдаваема Тѣшатъ, пока онъ не уплатитъ долга Якиму; какъ скоро долгъ Тѣшатою Якиму выплаченъ, то первому предоставлено право получить свою монисту безпрепятственно отъ жены послѣдняго. И такъ мониста Тѣшаты была удерживаема у него, какъ обезпеченіе долга, слѣдовавшаго отъ него за дѣвку или съ дѣвки, въ которой онъ принималъ участіе, самому Якиму или женѣ его. Все это мнѣ кажется ясно. Слѣдовательно, между Тѣшатою и Якимомъ, или даже между дѣвкою одного и женою другаго, существовало денежное обязательство. Можетъ быть, оно основывалось именно на займѣ, въ обезпеченіе котораго со стороны Тѣшаты или дѣвки его была дана подъ закладъ Якиму или женѣ его мониста Тѣштина. Но могло случиться и то, что мониста Тѣштина уже какимъ-нибудь образомъ находилась въ рукахъ Якимовой жены; потомъ открылся долгъ Якима или жены его на Тѣшатъ, или на его дѣвкѣ, и до расплаты по этому долгу мониста не была выдаваема Тѣшатъ. И такъ въ грамматѣ мировой выражается, что Якимъ получилъ наконецъ свое серебро.

Но что же значить сдѣланное въ грамматѣ прибавленіе: «на дѣвцѣ»? Я совершенно согласенъ, что предлогъ на употреблялся у насъ и отчасти теперь употребляется съ мѣстнымъ падежемъ въ томъ же значеніи, какъ и предлогъ за съ падежемъ винительнымъ: на комъ = за кого, на чемъ = за что. Въ купчихъ, отпечатанныхъ въ Акт. Юрид. подъ № 71—98, онъ постоянно употребляется въ этомъ значеніи, соединяясь въ однихъ (именно въ № 71—80,

83) съ глаголомъ дать, въ другихъ (именно въ № 81, 82, 84—98) съ глаголомъ взять. Но вамъ очень хорошо извѣстно сочетаніе предлога на съ мѣстнымъ падежемъ и въ другомъ значеніи, именно: взять деньги на комъ-нибудь значило взять деньги съ кого-либо. Въ этомъ значеніи и сочетаніи предлогъ на постоянно употребляется въ Акт. Юрид. № 411, 412, 415—421, 423—427; напр. «взяти ми на Өомкѣ на Глоткинѣ рубль, по кабалѣ» и проч., или: «пишу сію духовную своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, кому ми что дати, на комъ ми что взяти.» Въ псковской судной грамматѣ, изданной Мурзакевичемъ, употребляется тоже сочетаніе предлога на съ мѣстнымъ падежемъ и въ томъ же значеніи. Здѣсь читаемъ на с. 12: «государю покрута иматъ на изорники» (на изорникѣ); на с. 15: «князю на головничохъ взять рубль продажи.» И такъ взять серебро на дѣвкѣ можетъ значить или взять серебро за дѣвку, или взять серебро съ дѣвки. Одинъ смыслъ въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ столько же будетъ правилень, сколько и другой. Который же вѣроятнѣе?

Рѣшить этотъ вопросъ, можно до нѣкоторой степени, опредѣливши, о какой дѣвкѣ говорится въ грамматѣ? Я не отвергаю, что слово дѣвка можетъ значить невѣсту, когда невѣста есть именно дѣвица, хотя и не считаю оба имени синонимическими, потому что невѣста можетъ быть и не дѣвица, а вдова, или разведенная съ своимъ прежнимъ мужемъ. Но то же слово дѣвка употреблялось и теперь употребляется у насъ въ различныхъ значеніяхъ, именно: въ значеніи дѣвицы-рабы или крѣпостной, въ значеніи дѣвицы-служанки, въ значеніи дѣвицы-наложницы, въ значе-

ни дѣвицы-непотребной женщины. Для третьяго значенія я могу указать на извѣстный рассказъ Ибнъ-Фодлана о Руссахъ, торговавшихъ при устьяхъ Волги, и возившихъ съ собою дѣвушекъ. Какъ въ самой грамматѣ личность дѣвки съ точностію не означена, потому-что она означалась точнѣе самыми обстоятельствоми спора между Якимомъ и Тѣшатою; то я и не думаю, чтобы значеніе невѣсты слѣдовало предпочесть въ настоящемъ случаѣ всѣмъ другимъ значеніямъ. Особенно, если вы хотите въ грамматѣ видѣть указаніе на плату за невѣсту, какъ за дочь или родственницу Якима, которую онъ выдавалъ замужъ—можетъ быть, за самага Тѣшату, то въ моей Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ т. I., с. 133—134, я показалъ, что мѣста лѣтописей, на которыя вы ссылаетесь, могутъ быть понимаемы совершенно въ другомъ смыслѣ; въ позднѣйшихъ памятникахъ о подобной платѣ за невѣсть еще менѣе слышно. Но и кромѣ того, если здѣсь непременно надобно видѣть плату за какую-то дѣвку, эта дѣвка очень легко могла быть раба, и при-томъ именно купленная Тѣшатою жены Якима, которой въ обезпеченіе платежа, такъ какъ слѣдовавшая сумма не была тотчасъ, при самой покупкѣ, уплачена, дана была мониста. Впрочемъ, нѣтъ никакой особенной причины предполагать въ настоящемъ случаѣ плату за дѣвку. Просто, непринужденно все объясняется, если мы примемъ, что выраженіе граммати: взялъ серебро на дѣвцѣ, значить: получилъ серебро съ дѣвки. У Тѣшаты была дѣвушка, въ которой онъ (не говоря объ немъ дурнаго слова) принималъ участіе. Какъ между Тѣшатою и Якимомъ, такъ между этой дѣвушкой и женой Якима были свои счеты, по которымъ въ руки послѣдней пере-

шла мниста Тѣшаты. При окончательномъ расчетѣ между Тѣшатой и Якимомъ было предъявлено въ счетъ послѣдняго и требованіе его жены противъ дѣвушки Тѣшатиной; хотя Тѣшата по своимъ собственнымъ долгамъ расчитался съ Якимомъ, однакожъ мниста его была удерживаема женою Якимовой, пока не будетъ ей уплаченъ долгъ, слѣдующій ей съ его дѣвушки, такъ какъ онъ по своимъ отношеніямъ къ этой дѣвушкѣ не могъ не принять на себя за нее ответственности. Тѣшата долженъ былъ наконецъ уступить. Въ грамматѣ выражено, что Якимъ, который дѣйствовалъ въ настоящемъ случаѣ не только отъ себя, но и отъ имени своей жены, получилъ серебро съ дѣвушки Тѣшаты, и что послѣ сего Тѣшата свободно можетъ получить свою мнисту отъ Якимовой жены.

Понимая такъ, какъ изложено мною, существо сдѣлки между Якимомъ и Тѣшатой, я нахожу возможнымъ въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ опредѣлить и смыслъ начальныхъ словъ ея: «складѣство первое и заднее.» Слово складѣство, мнѣ кажется, могло бы въ настоящемъ случаѣ значить предъявленіе спора и самый споръ. Для этого значенія можно принять въ соображеніе, что грамматы, которыми объявлялась война, назывались у насъ складными грамматами*. Это названіе происходитъ отъ выраженія «сложитъ крестное цѣлованіе»**. Объявившій войну неприятелю

* Соф. Врем. по изд. Строева, ч. II, с. 120; г. 6979: «въ той часъ» (великій князь Иванъ Васильевичъ) «посла къ нимъ» (къ Новгородцамъ) «грамоту складную».

** Новг. 1-я Лѣтоп., с. 98. г.; 6905: (князь великій Василій Дмитріевичъ) «къ Новугороду съ себе цѣлованіе

слагать съ себя въ отношеніи къ нему крестное цѣлованіе. Еще ближе, можетъ быть, сюда относятся выраженія: складывать съѣздъ *, положить срокъ **, положить грамматы и вообще доказательства ***. Но еще болѣе соотвѣтствуетъ содержанію разсматриваемой псковской грамматы другое значеніе, которое также можно искать въ словъ: складъство; это—значеніе счета. Считать значить складывать, слагать. Счетъ составляется посредствомъ складыванія разныхъ суммъ. При каждомъ изъ предложенныхъ значеній слова складъство, можно дать слову задній, весьма естественный и простой смыслъ. Задній значить оборотный, обратный; говорится: задняя сторона вещи, т. е. оборотная. Латинское *retro* значить назадъ и обратно; нѣмецкая образовательная частица *rück*—также (*Rückgang*, *Rückkauf* и проч.). При такомъ смыслѣ слова задній, заднее складъство, разумѣя подъ складъствомъ споръ, означало бы обратный искъ отвѣтника противъ истца по поводу его (первоначальнаго) иска, т. е. такъ называемый встрѣчный искъ; а разумѣя подъ складъствомъ счетъ, заднее складъство означало бы обратный счетъ другой

сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а новгородцы съ себе цѣлованіе сложили и грамоту крестную великому князю скинули».

* Псков. 1-я Лѣтоп., с. 246; г. 6981: «и Псковъ ихъ съ обидными людьми пріялъ въ серебрѣ, что князь мстеръ съѣзды складаеть, а на съѣздъ ни самъ не ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ, а исправѣ не даетъ.»

** Псков. 1-я Лѣтоп., с. 234; г. 6978; с. 247, г. 6981.

*** Псков. судн. гр., изд. Мурзакевичемъ, с. 12 (къ концу), 16.

стороны, представленный на первую сторону по представлении ею своего (первоначального) счета. Какъ въ грамматѣ прямо говорится, что Якимъ и Тѣшата сдѣлкою своею учинили расчетъ между собою, то я принимаю за вѣроятнѣйшее, что подѣ словомъ складѣство разумѣется именно счетъ, подѣ первымъ складѣствомъ — счетъ, который былъ прежде другаго представленъ, наконецъ подѣ заднимъ складѣствомъ — обратный счетъ другой стороны на первую.

Такимъ образомъ смыслъ граммати и переводъ ея на нынѣшній русскій языкъ былъ бы слѣдующій:

«Тѣшата съ Якимомъ заключили мировую сдѣлку «по первому и по обратному счету. Якимъ получилъ «серебро съ дѣвки; Тѣшата можетъ послѣ сего свободно «взять свою монисту у Якимовой жены. Тѣмъ конченъ »расчетъ между Якимомъ и Тѣшатою; болѣе ни «Якимъ не долженъ ничего требовать отъ Тѣшаты, ни «Тѣшата отъ Якима. Свидѣтелями этого были: пошъ «Давидъ, Домославъ Дорожка, Боянь Вѣкошкинъ, «Кузма Лойковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смоль- «нянинъ. Кто нарушитъ эту мировую сдѣлку, Якимъ ли, «Тѣшата ли, тотъ заплатитъ» (князю) сто гривенъ се- «ребра. Писаль Довмонтовъ писецъ» (конечно, въ смыслъ княжескаго дѣяка).

Въ заключеніе считаю еще не бесполезнымъ обратить вниманіе на употребленныя у васъ выраженія о договорныхъ грамматахъ смоленскаго князя Мстислава Давидовича. Вы называете ихъ противными и относите къ 1228—1229, или къ одному 1229 году.

Вы, конечно, разумѣете здѣсь слѣдующія двѣ извѣстныя граммати: одна отпечатана въ первый разъ въ Собр. Гос. грам. и дог. Румянц., ч. II, № 1, и начинается такъ: «что ся дѣетъ по вѣремьнемъ, то

отъиде то по вѣрмьнемъ». Другая, по списку графа Мусина-Пушкина, напечатана первоначально въ Ист. Гос. Росс. Карамзина т. III примѣч. 248, потомъ по тому же списку (я не говорю о вариантахъ) въ Русск. Достоп. ч. II, и наконецъ по списку, снятому съ подлинника, хранящагося въ архивѣ рижскаго магистрата, Тобиномъ въ сочиненіи: *Sammlung der kritisch-bearbeiteten Quellen der Geschichte des russischen Rechts*. V. I. Tractate. Она начинается такъ: «что ся въ которое вѣремя нячнетъ дѣяти, то утвѣржаютъ грамотою». Не буду здѣсь доказывать, что эти два документа не суть два противня одной грамматы: иначе мое письмо, и безъ того уже весьма длинное, чрезвычайно распространилось бы; при томъ же, этотъ предметъ достаточно, хотя и не вполне, уясненъ Тобиномъ въ поименованномъ сейчасъ сочиненіи. Я остановлюсь только на времени совершенія обоихъ документовъ. У Карамзина, которому извѣстна была только вторая грамота, и при-томъ по списку графа Мусина-Пушкина, она относится къ 1228 году. Въ Собр. Гос. грам. и дог. Румянц., гдѣ напечатана первая грамота, она отнесена къ 1229 году. Дубенскій, издавшій вторую грамоту по списку гр. Мусина-Пушкина въ Русск. Достоп. ч. II, относитъ ее къ 1230 году. Тобинъ доказывалъ, что первая грамота писана въ 1228 году, а вторая въ 1229 году. Калачевъ, въ сочиненіи: *Исслѣдованія о Русской Правдѣ*, ч. I с. 155—156, опровергалъ Тобина, но не довольно рѣшительно. И такъ не ужели нельзя съ точностью и окончательно опредѣлить время совершенія грамматъ Мстислава Давидовича?

Причиною разныхъ мнѣній было означеніе времени, находящееся въ самыхъ грамматахъ, на концѣ; но

это же означеніе, въ соображеніи еще съ третьею грамматою, рѣшаетъ, какъ я думаю, вопросъ окончательно.

Въ первой грамматѣ пишется: «коли ся грамота писана, ишль былъ отъ Рѣтва Гня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подь пискупомъ Ризкимъ, провствъ Іаганъ, мастъръ Вѣлквентъ» и проч. Должно ли здѣсь разумѣть окончившійся, или еще продолжающійся 1228 годъ отъ Р. Х.? Тѣ, которые разумѣли здѣсь еще продолжающійся годъ отъ Р. Х., относили граммату къ 1228 году. Но маѣвіе, что приведенными словами означается 1228 годъ отъ Р. Х., еще продолжающійся, а не истекшій, рѣшительно опровергается подобными словами грамматы смоленскаго князя Феодора Ростиславича къ рижскому епископу, мейстеру и ратманамъ, 1284 года: * « си же грамота писана бысть, ищло было отъ Рѣства Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣтъ лѣтъ и осмидесять леть и три лѣта, въ четвертое лето, на възнесење Господне.» И такъ и въ первой грамматѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича должно разумѣть 1228 годъ исполнвшійся, а не продолжающійся, т. е. эта граммата писана въ 1229 году.

Такимъ же образомъ поводомъ относить вторую грамоту къ 1229 году было несправедливое толкованіе находящагося въ ней самой означенія времени. Въ концѣ ея пишется: « а си грамота написана бы отъ раснятъя было 1000 лѣ и 200 лѣ и 30 лѣ безъ лета.» Но какъ въ первой грамматѣ должно разумѣть 1228 годъ истекшій, а не продолжающійся, такъ и въ этой второй грамматѣ, принимая, что въ ней выраженіе:

* Собр. Румянц., ч. II, с. 6.

отъ распятія, употреблено вмѣсто выраженія: отъ Рождества Христова, должно разумѣть 1229 годъ не продолжающійся, а истекшій, т. е. эта вторая граммата писана въ 1230 году отъ Р. Х. Что касается выраженія «отъ распятія», употребленнаго, какъ всѣ полагали, вмѣсто выраженія «отъ Рождества Господня», должно замѣтить, что какъ внутри Россіи въ среднихъ вѣкахъ годы были считаемы отъ сотворенія міра, а не отъ Рождества или отъ Распятія Господня, то если въ грамматахъ Мстиславовыхъ счисленіе лѣтъ ведется отъ Рождества или отъ Распятія Господня, это было счисленіе не русское, а переведенное съ того языка, на которомъ первоначально могли быть писаны проекты обѣихъ грамматъ, т. е. съ латинскаго, и соотвѣтствовали выраженіямъ: а *nativitate Domini*, или а *passione*, а можетъ-быть даже а *trabeatione*. Въ грамматахъ, писанныхъ по-латыни въ среднихъ вѣкахъ, годъ отъ страданія Господня (а *passione*) былъ иногда полагаемъ, по смѣшенію понятій, вмѣсто года отъ Рождества Христова (а *ab incarnatione Domini*). Но если во второй грамматѣ Мстислава, по первоначальному ея проекту, годъ совершенія былъ означенъ а *trabeatione*, то это слово по ошибкѣ могло быть переведено неправильно: «отъ распятія», вмѣсто того, чтобы перевести его: «отъ воплощенія». Даже новѣйшіе писатели употребляемый иногда въ латинскихъ грамматахъ среднихъ вѣковъ *annus trabeationis* объясняли, какъ *annus, quo Christus trabi affixus*. Но годъ, такимъ образомъ означенный, дѣйствительно означаетъ годъ отъ воплощенія Господня, при чемъ слово *trabeatio* должно быть производимо не отъ *trabs* въ смыслъ креста, но отъ *trabea* (особенный видъ тоги) въ смыслъ одежды. Въ этомъ смыслѣ Фульгенцій въ проповѣди

о Св. Стефанъ говорить : *Heri enim Rex noster trabea
carnis indutus est, т, е. incarnatus или natus.* *

Примить увѣреніе и пр.

К. Неволинъ.

Приписка И. И. Срезневскаго. Принимая съ призна-
тельностью ученыя замѣчанія К. А. Неволина, я надѣюсь
воспользоваться ими въ дальнѣйшемъ своемъ трудѣ, и вмѣстѣ
съ тѣмъ позволяю себѣ предполагать, что и другіе любители
отечественныхъ древностей примутъ участіе въ разборѣ
памятника, подавшаго ученому историку русскаго права
поводъ высказать столько любопытныхъ сближеній.

И. Срезневскій.

* См. *Du Cangii Glossarium mediæ et infimæ Latinitatis*,
ed. Henschel, t. I, (Parisiis, 1840) p. 269, v. annus,
et t. VI (Parisiis, 1846) p. 624, v. trabeatio.